

Жизни Юности — Минск. — 1990. — В июле.

Приличные нормальные люди пришли в зрительный зал, расположились в комфортабельных креслах. И вдруг — что это! Они начинают дергаться и трястись, корчиться, стонать и плакать. Кое-кто даже рыдает. И, видимо, с удовольствием, ибо своих ярых мучителей награждают громкими аплодисментами. В конце концов — живехонькие, со смехом расходятся по домам.

Подобные происшествия вот уже несколько лет время от времени наблюдаются в белорусской столице, других городах республики, Союза и даже за границей. Их виновник один и тот же — минский театр сатиры и юмора «Христофор».

И ВСЕ от него в восторге?

Конечно, сатира — не колбаса любительская, чтобы нравиться каждому. Есть у «Христофора» и недоброжелатели. Театр неадаптивно выражает свое неприятие сталинизма и застоя, а также не жалует подданных госпожи Глупости — персоны у нас весьма влиятельной. Причем делает это в уморительно-смешной форме. Вот и свирепеют те, кто увидел себя со сцены без прикрас, и «стучат» во все инстанции. Но «Христофора» большими руками не возьмешь — он в годах независимости: существует на полном хозрасчете и не знает никаких дотаций. Наоборот, регулярно обогащает государство, платя налоги.

В труппе нет женщин, наверное, потому, что нагрузки здесь мужские: все свое (костюмы, аппаратуру, реквизит) приходится носить с собой. Тем не менее, билеты на «Христофор» расходятся мгновенно и на месяц вперед.

— Откуда он такой зубастый взялся и что о себе думает? — задаю вопрос одному из создателей театра и его ведущему артисту, лауреату всесоюзного Гран-при за актерское мастерство Евгению Крыжановскому.

— Подобные театры рождаются только во времена катаклизмов, раньше его появления было бы немисливо. Три года назад в Минск приехал Владимир Перцов, писатель-сатирик, ученик Жванецкого. По политическим мотивам его выжили из тогда застойного Киева. Че-

ловек активный, он сразу стал искать единомышленников. Вышел на меня и других актеров Купаловского театра, которые занимались юморинами, капустниками. Предложил сотрудничать. 2 сентября 1987 года мы — пятнадцать мужчин —

«клевету на народ». Но можно ли пенять на зеркало?

«Свадьба» показана со всем раблезианским темпераментом театра, хохот то и дело сотрясает зал. Но когда Крыжановский подходит к микрофону и говорит голосом своего вконец упиавшегося персонажа, уставившись в зал остекленевшим взглядом: «Это я, Витек...» и далее по тексту роли, смех становится каким-то тоголевским, грустным. Эх, Витек, Витек! А ведь ты есть, тебя не выдумали актеры. Сможешь ли ты когда-нибудь очнуться от мата, жмела и дури, переродиться из простодушного хама в человека мыслящего?

Нет, не ради утробного смеха

театр, — говорит Крыжановский. — Все три спектакля нашего репертуара — «Кто кого», «М и Ж», «Богодуй...» — построены на материале Владимира Перцова. Большинство участников 2-го Всесоюзного конкурса артистов эстрады читали его произведения, за что ему дали специальный приз. Мы гордимся своим автором и худруком.

— Перцов для театра неисчерпаемый источник?

— Все исчерпаемо. «Христофор» закончится вместе с нами. Примеры противоположные — МХАТ, Малый театр, которые жили, блистали, а

такль — далеко не агитка. От «Богодуй...» протягиваются прямые дорожки к городу Глупову Щедрина, к платоновскому Градову, к сатирам Маяковского, Булгакова и даже дальше — к Босху, Брейгелю и Рабле. Все перевернуть, смешать, проверить на прочность, всему установить настоящую цену... А над карнавальным буйством смеха парит, как маленькая чайка над волнами, мечта об идеале, который — увы! — на земле нашей встречается так редко.

Мнение Крыжановского о спектакле: «Это изображение города, который всю жизнь стремился вперед. Он первый построил коммунизм, первым окончил перестройку. И все время рапортует. Прямолиней-

летрясение поглотило бы все, оставив после себя холодное, пустое пространство неверия. Но есть надежда и для Богодуйе, пока жива душа человеческая...

В непростой ситуации работает «Христофор». Его смех направлен на разрушение всего, что удалось прогнать, отжить свое. Но в то же время люди начинают замечать уставать от непрерывных осмеяний и отрицаний, они все больше хотят умиротворения.

— Мы это понимаем, — соглашается Крыжановский. — Юмор нам дороже. Сатира недолговечна, она сохранилась, наверное, лишь в СССР. Разве можно критиковать видеомагнитофон «Сони» или «Тойоту» последней модели? Понуда у нас существует командно-административная система — будет и сатира. Система же конца-края не видно, а значит — и нашей работе.

С телевидением заключен договор на цикл юмористических передач «Христофор-канал». Есть задумка создать комическую оперу в стиле театра, а также бессловесный спектакль для иноязычной публики — приходит много предложений из-за границы.

Да, зарубежье примет и приветит. Но ведь и мы хотим бывать у «Христофора». А он — бездомный, хоть и не жалуются. Сегодня ютятся в подвале на улице Калинина. А завтра?

«А завтра грянет рынок «Будет в Водкинском плач и скрежет зубов» — звучит в спектакле как пророчество о непомерных ценах, инфляции, безработице, возможных, если богодуйецы (то бишь, мы с вами) останутся неспособными ни на что, кроме имитации той бурной деятельности, которую столь удачно и остро изобразили актеры. Не захочется ли «Назад, к победе коммунизма!»

Но — прочь уныние! Пока юмор и смех с нами — трудности кажутся преодолимыми. А высь с «Христофором» не пропадет!

Нина ЗЛАТКОВСКАЯ.

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..

— хочется воскликнуть после спектаклей «Христофора».

стали государственным предприятием.

Три года жизни прошли «на колесах»: Москва, Ленинград, Киев, Кисловодск, Крым, дважды — ГДР, выступали во Дворце съездов перед высшим эшелонам власти...

Мне почудилась какая-то горчинка в рассказе Евгения. Да, гастроли — это прекрасно, интересно, престижно. Но после странствий хорошо вернуться в родные стены. А дома-то своего пока и нет.

Два года театр обитал на улице Кульман в помещении, принадлежащем заводу имени Ленина, пока после одного концерта не лопнуло терпение у властей предрержащих: «Сколько можно критиковать!».

Пришлось выселиться на улицу. Говорят, из-за «Свадьбы». Есть такой концертный номер у «Христофора» в программе «Кто кого». Кажется, незинное сопоставление: старая белорусская деревенская свадьба и современная — пьяная, жлоб-

игрует «Христофор». Не для улучшения пищеаварения почтеннейшей публики. Сам Крыжановский определяет credo театра так: «Волков называют санитарями леса, а мы — санитары человеческих отношений: стремимся очищать смехом. А если удастся заставить зрителя размышлять — рады вдвойне. Что у всех болит, то всем и понятно — наши спектакли о людях. Хотим задеть в них человеческие струны, а лупить политической зритель все сегодня умеют».

Профессионализм — первое, что отличает «Христофор». Просто определить словами это особое качество, да еще в сложнейшем сатирическом жанре. Наверное, в отличие от дилетанта, специалисту ясно значение того, что он делает. Велосипеда он изобретать не станет, поскольку давно знает о существовании всех его моделей и марок. Вчерашнее не примет за завтрашнее, а глупое — за умное. Театр не разыгрывает один и тот же пасьянс из ходовых «смешных» приемов. «Не повторяться» — вот один из его лозунгов.

теперь занимаются реанимацией давно ушедшего. Надо создавать новые формы. Гостиатр — это всегда модель государства. Есть руководитель, его помощник, есть серая актерская масса да еще куча людей — бухгалтеры, администраторы, распространители билетов... В «Христофоре» модель западная, не боюсь сказать — капиталистическая.

— Свои премьеры вы проверяете на ценителях?

— Играем перед простыми людьми. «Христофор» — демократический театр. Городская молодежь и люди среднего возраста — наш зритель. Снобы к нам не ходят.

Явно не для снобов новейшая и, по-моему, самая интересная работа театра — спектакль «Богодуй, вперед! или Назад к победе коммунизма». Это громадный смешовой котел, в котором варится все, чем было заполнено наше застойное сознание. Но спек-

ной политики в пьесе нет. Показаны только люди — мы, покорно позволяющие собой править. Богодуйе — вся наша страна в увеличительном стекле».

Посмеемся и подумаем, глядя на сцену. Ее украшают не то лозунги, не то заборно-туалетные надписи. Подмечено верно: цена им всем в застойные годы сравнялась в глазах населения. «Мы придем к победе над Водкинском». «Не забуду мать родную». «Хорошо потрудились, теперь хорошо поработаем». «Мир, май, июнь, июль».

Берется тональность фарсовая, пародийно-издевательская. Но среди площадно-буйного веселья, в минуту тишины, вдруг пробивается в спектакль до боли грустная человеческая нота: это мы, Господи, беспутные, заблудившиеся на этой земле твои дети. Что нам делать, куда идти?

Хорошо, что в спектакле есть драгоценные мгновения лирики. Без них смешовое зем-